

Разсказывать содержите книги не приходится, да оно и заранѣе понятно: ростъ сознанія ребенка день за днемъ. Правильнее сказать — рядъ представленийъ взрослога человека о томъ, какъ развивается сознаніе ребенка. Можно почти наверняка сказать, что развивается оно совершенно иными путями, ни понять, ни даже запомнить которыхъ взрослый человекъ не можетъ. Остаются въ памяти отрывочныя картины, несколько рѣзкихъ впечатлѣній пережитаго въ детскомъ возрасте; все остальное — только наше взрослое толкованіе необъяснимыхъ нашими словами явленій детской души. Ребенокъ — совсемъ особое существо, и мысль его для насъ такъ же неуволима, какъ картина кругозора «красногрудой синички», какъ житейскія представленія муравья, которыя мы готовы считать двухмерными, хотя возможно, что они четырехъ и более измереній Книги о дѣдствѣ темъ и ценны, что каждая новая что-то прибавляетъ къ нашимъ догадкамъ. Юра В. Корсака — очень взрослый человекъ; едва ли по седьмому году, после смерти матери, для него уже «блеснуло изъ безднъ вельніе — победить смерть!» Онъ «видѣлъ, что печаль останется съ нимъ и будетъ жить въ немъ, пока не войдетъ онъ въ страну вечнаго света». Возможно, что такъ и было въ его сознаніи, — еще одна догадка, пытающаяся осветить неведомую область детской души; еще возможнее, что это взрослый Юра приписываетъ свои чувства Юре маленькому, ничего не знавшему, ничего не рѣшавшему, а только стоявшему въ своемъ первомъ настоящемъ горе передъ невѣдомымъ и необъяснимымъ.

Тутъ не можетъ быть ни спора, ни «критики»: авторъ всегда правъ — для себя и только для себя, потому что пути творчества также загадочны.

В. Корсакъ — авторъ пяти отличныхъ книгъ о плѣнѣ, войне и «великомъ исходе». Въ дальнѣйшемъ онъ вступаетъ на путь художественнаго изыска, становится беллетристомъ. Оба пути объективно одинаково ценны, но въ каждомъ мастерстве свои пріемы и свои орудія; еще трудно судить, поскольку В. Корсаку удастся «перестроить лиру».

Мих. Ос

В. С. Яновскій. «Любовь вторая». Парижское объединеніе писателей. 1935.

Повесть В. Яновскаго является новымъ свидетельствомъ того, что русская эмигрантская литература все чаще и чаще обращается къ сюжетамъ, почерпнутымъ изъ жизни самой эмиграціи. Это позволяетъ предположить, что мы рано или поздно будемъ иметь настоящую эмигрантскую литературу, а не только литературу эмигрантовъ.

Починъ къ такому переходу принадлежитъ, кажется, женщинамъ-писательницамъ — Н. Берберовой, Г. Кузнецовой, Одоевцевой и др. Объясняется это, быть можетъ, темъ, что женщины сразу же оказались въ более непосредственной близости къ новому, еще только слагавшемуся эмигрантскому быту. Но поскольку настоящій, установив-

шийся быть едва ли в эмиграции возможен, известная условность и схематичность, повидимому, навсегда останутся отличительным признаком эмигрантской литературы. Это, однако, вовсе не исключает большей или меньшей степени приближения ее к реальной жизни.

Книга В. Яновскаго резко реалистична в первой части и условна во второй. Тема «о человеке без места в жизни» не нова. Однако повесть В. Яновскаго, несмотря на множество литературных предшественников, вполне самостоятельна. Она лишена сентиментальной подкладки. Прежде читателя, после ряда мытарств, пережитых вместе с героем, успокаивали: герой находил свое место, и чувство справедливости получало удовлетворение («серебряная ложечка» Диккенса). Героиня Яновскаго ничего не получает, она иронизирует над «романтическими турнирами современного человека, в тушь жизни завоевывающая избранное место». «Места нет!» — вот что слышится теперь все чаще и чаще. Тема об обездоленных людях перестает быть объектом «приятной литературы» и становится трагичной. Для примирения с жизнью необходим переход в новый, высший план — религиозный. Однако религиозный экстаз героини Яновскаго едва ли обоснован с достаточной художественной убедительностью. Правда, тема религиозная возрождения — чрезвычайно трудная, удававшаяся даже таким великим мастерам, как Достоевский: выхода нет, но герой берет Евангелие и с ним уходить — за пределы литературы. Неуловимая граница между художественным творчеством и религиозной тенденцией стирается, а между тем именно в умении найти здесь тончайшую меру и должно заключаться искусство. Заслуга В. Яновскаго во всяком случае в том, что он не убоился «трудной темой»: она задана самою жизнью и уже одно это указывает на художественное здоровье автора.

В повести много удачных мест: «чудовищный город, ревущий, давящий, глотающий, плывущий в своем русле», затерявшаяся в нем женщина: («одна! одна!»); вагоны метро «с пошатывающимися на натруженных ногах людьми»; «ненавистный для безработная разсветь» («если бы всегда ночь, если бы умереть в темноте!»), и эта усталость от себя, от собственного тела, которое нужно кормить как кого-то другого, настойчивая и требовательная. Отметим и довольно многочисленные погрешности слога. Едва ли можно сказать: «Я разгуливала от улиц», нельзя: «поршни вращались»; нехорошо: «взвизгнула кровь в аорте» и т. п.

Но ни досадные неправильности русского языка, от которых пожелаем автору поскорее отделаться, ни даже некоторая искусственность романа в его второй части, не мешают общему положительному впечатлению от новой книги В. Яновскаго. Во всяком случае своей внутренней значительностью роман «Любовь вторая» выгодно отличается среди стольких вышедших за последние годы книг молодых авторов.

Глебь Волошинъ.